

БИБЛИОГРАФИЯ

НОЖИ. Водевиль в 3 актах. 21 номер пения. Сюжет *В. Катаева*. Текст *Г. Холмского*. Стихи *М. Вольпина*. Музыка *И. Дунаевского*. Под редакцией *Б. Южанина*. Изд. „Труд и Книга“. М. 1928 г. Стр. 64. Ц. 90 к.

В. Катаев специализируется по части переизывания старых, затасканных, измызанных водевилей на современный и даже „революционный“ лад. Чего стоит его на шумевшая „Квадратура круга“, где дошлые водевильные положения, целиком взятые из репертуара дореволюционного мещанства, механически внесены в современную комсомольскую среду.

Теперь нам преподносят очередную продукцию этого рода — водевиль „Ножи“ — на сюжет плохонького рассказа Катаева. Кому понадобилось размазать этот более чем посредственный рассказ на целый, с позволения сказать, водевиль? Этот вопрос тем уместнее поставить, что „Ножи“ включены в репертуар „Синей блузы“. Несмотря на ее ошибки, мы привыкли считать, что „Синяя блуза“ должна быть идеологически нашим коллективом, имеющим известную политическую и воспитательную установку.

Сюжет водевиля сводится к тому, что некий благородный рыцарь (о, конечно, это слесарь и притом стопроцентно-выдержанный пролетарий! — разве можно в наши дни обойтись без слесаря?) с первого взгляда (на подножке трамвая!) влюбляется в некое прелестное и робкое создание — дочь владельца балагана. Конечно, прекрасная дама также влюблена в слесаря (заочно, по фото-карточке!), но злой и мрачный деспот отец решил выдать ее замуж за богатого графа... то бишь, извозпромышленника, — ведь графов в наши дни не бывает. Чтобы вырвать прекрасную даму из рук злодея, выдержанный слесарь переодевается кухаркой (!), поет трогательные куплеты и разоряет владельца балагана. Испугавшись разорения от руки пролетарского рыцаря, торговец соглашается отдать за него свою нежную дочь.

Всю эту несусветную галиматью нам преподносят в изысканно-халтурном оформлении. Герои разговаривают на каком-то нелепом жаргоне, созданном низкопробными эстрадиками пивной, расппевают до нельзя скучные, тошнотворные куплетки. Ни одного яркого мазка, ни одной остроумной шутки.

Допустим, что мы не можем требовать от клубной эстрады, чтобы она давала одни лишь идеологически-выдержанные вещи, имеющие агитационное или культурно-воспитательное значение. Допустим,

что „Синяя блуза“ или клубная живая газета хотят просто развлечь рабочую публику, дать рабочему возможность просто отдохнуть и развлечься. Все это мы допускаем с большой натяжкой, так как совсем не к этому сводится задача живой газеты и клубной эстрады. Но если даже стать на такую „примиренческую“ точку зрения, то нужно решительно протестовать против „Ножей“ — этой халтурной пошлятины, которую хотят протащить в клубы. В ней нет даже ничего просто веселого, заразительно-смешного, бодрящего, увлекательного.

Вот примеры „ножевого“ остроумия.

Папаша. По нынешним временам, Модест Петрович, идейные всякие стремления — это вы бросьте (ворчит). На идейных стремлениях далеко не уедешь... А налоги платить кто будет? Пушкин?

Модест. Не скажите, папаша, у меня тонкая душевная организация, и я на ломовом извозе червонцев 35 — 40 в месяц выгоняю.

Ах, как остроумно, как занятно! Или вот:

Николай. В очко проперся?

Пашка. Хуже.

Николай. На алименты напоролся?

Пашка. Хуже.

Николай. Стой. „Горе уму“ видел?

Пашка. Хуже.

Николай. Не может быть. Хуже не бывает.

Какой фейерверк остроумия!

Конечно водевиль есть водевиль, — многого от него требовать нельзя, но от клубного водевиля можно и должно требовать, чтобы он вскрывал то подлинно смешное, что имеется в нашей быту и вокруг нас. „Синяя блуза“ же, давая такие постановки, как „Ножи“, скатывается в болото обывательской эстрады, которую надо гнать вон из рабочего клуба.

Надо отчетливо понимать, что в современных условиях, в условиях обостренной классовой борьбы, на идеологическом фронте нужна особая бдительность. Нельзя ссылаться на то, что пьеса „невинная“, что в ней „нет политики“, что она только „для смеха“, — это значит лить воду на мельницу обывательщины, той мещанской стихии, которая часто захлестывает наши клубы. „Ножи“ не только плохая пьеса, но и большая политическая ошибка „Синей блузы“.

Будем надеяться, что эта ошибка будет учтена „Синей блузой“ и что она в дальнейшем выпрямит свою линию, ориентируясь в своем творчестве не на обывателя, а на рабочую массу.

С. Левман.